

У Фу Тинсюэ был секрет.

Он всегда относился к мирским делам с холодным равнодушием, пока в день торжественной церемонии возвышения, привычно опустив взгляд, не столкнулся с кем-то, кто осмелился поднять голову и встретиться с ним глазами прямо на нефритовой лестнице.

В глазах того человека словно теплился неугасимый огонек, и одного этого взгляда издалека хватило, чтобы ледяное сердце Фу Тинсюэ дрогнуло.

Это было опасно.

Словно сотканный из инея и снега небожитель слегка опустил ресницы: он был наслышан о том, что жар способен выжечь лед дотла.

Впоследствии Гу Шишу все же стал первым личным учеником на пике Сяочжу.

Фу Тинсюэ впервые примерил на себя роль наставника, обучая его искусству меча, тонкостям чайной церемонии и заклинаниям, но тот... тот стал учителем для него самого.

Он научил его, как страстно любить человека, подобно тому, как расплавленный фарфор обретает причудливые, манящие узоры.

Гу Шишу обладал редким талантом и был прилежным учеником, чего нельзя было сказать о Фу Тинсюэ. В делах сердечных он считал себя безнадежно тупым и уязвимым.

Он не умел обнажать чувства, не умел выражать заботу и не умел отвечать на поцелуи инициативой. Его натура была холодна, как снег, и даже когда он отдавал всего себя, чтобы познать любовь, это напоминало лишь тусклый отблеск лунного света, едва заметную тень на теле возлюбленного.

Но потом все изменилось.

Впоследствии Фу Тинсюэ радовался своей неспособности к выражению чувств: это позволило ему мастерски притворяться.

Бессмертный владыка поднес чашу с отваром забвения к губам, но жидкость не коснулась горла — он уничтожил ее магией. Глядя в мгновенно похолодевшие глаза напротив, он видел именно то, что ожидал.

В его собственных глазах пошел снегопад, погребая под собой всю его печаль и радость.

Все могло закончиться в тот день, именно так он и сказал Гу Шишу. И независимо от того, какой выбор сделал бы он сам, Гу Шишу уже выпил отвар забвения, а тот, кто испил его, больше никогда не испытает прежних чувств к своей бывшей любви.

Даже если бы он упрямо стремился помнить, это принесло бы лишь лишние страдания, навеки заперев его в ловушке безответной тоски.

Однако именно тогда Фу Тинсюэ впервые почувствовал, что по-настоящему постиг любовь. Это было долгожданное озарение, пришедшее после долгих лет учения.

У Фу Тинсюэ был секрет.

В глазах мира он был недостижимой, холодной луной, но втайне был готов стать мотыльком, сгорающим в пламени перед тем, кто был ему дороже жизни.

— Значит... действительно есть люди, которые знали Шэнь Няня до того, как его тело было захвачено.

Хотя ситуация отличалась от классического захвата души, Гу Шишу решил использовать этот термин для удобства.

В последнее время Фу Тинсюэ занимался расследованием личности и связей ученика секты Цинчэн по имени Шэнь Нянь. Он еще не решил, как именно использовать эти сведения, но если они хотели разоблачить истинное лицо сына удачи перед всем миром, этот шаг был неизбежен.

Захват чужой жизни был чем-то совершенно недопустимым. Хотя Гу Шишу, достигнув положения демонического владыки, не был мягкосердечным праведником, он презирал подобные грязные методы.

Фу Тинсюэ пояснил:

— У Шэнь Няня была сестра, Шэнь Жоу, у которой нет духовных корней. Он поселил ее в городе, расположенном неподалеку от секты Цинчэн. После смерти родителей они остались единственными близкими друг для друга людьми, и их связь была очень крепка.

— А Шэнь Жоу знает, что с ее братом что-то случилось?

— Да, — Фу Тинсюэ слегка кивнул. — После его исчезновения старейшина внешних учеников уведомил ее. Но она все еще тешит себя надеждой: в конце концов, даже после падения с

Террасы низвержения бессмертных есть шанс выжить. Сейчас ее расходы временно покрывает секта Цинчэн, так что за нее можно не беспокоиться.

— О, это хорошо.

Гу Шишу на самом деле не переживал о незнакомом человеке, просто поддержал разговор:

— А они встречались после того, как тело Шэнь Няня было захвачено?

— Нет, — Фу Тинсюэ тихо вздохнул. — В этом-то и проблема. Раньше, когда врата секты были открыты, Шэнь Нянь всегда спускался с горы, чтобы навестить сестру. Но в тот день, когда он упал с Террасы, врата были распахнуты, а Шэнь Жоу так его и не дождалась.

Бессмертный владыка вспомнил заплаканные глаза женщины во время визита. Прошло уже больше десяти дней с тех пор, как судьба ее брата оставалась неизвестной, но она так и не оправилась от горя, лишь бесконечно повторяя слова самобичевания:

— Мне следовало пойти и поискать его... Я думала, он просто слишком занят. Почему я такая глупая? Если уж я не дождалась его, должна была пойти на поиски.

Ей не с кем было разделить эту боль, и она лишь бессвязно повторяла одно и то же. Даже если Фу Тинсюэ не мог до конца понять глубину родственных чувств, он молча слушал ее, пока она не выбилась из сил, и лишь тогда произнес слова соболезнования.

Фу Тинсюэ опустил взгляд и негромко добавил:

— На самом деле, тогда Шэнь Нянь уже не был самим собой.

Гу Шишу подхватил:

— Значит, он даже не подозревал, что у него есть сестра. Этот сын удачи, вероятно, не утруждал себя изучением жизни того, чье тело присвоил.

Они обменялись взглядами, прочитав мысли друг друга.

— А что насчет владыки демонов? — Фу Тинсюэ мягко сменил тему, интересуясь ходом дел. — Ты связался с императором демонов?

— Усу не так легко убедить, как Цзин Цяньшаня... Этот тип невероятно хитер. Если я скажу ему прямо, он не поверит. Если воспользуюсь артефактом, чтобы показать ему записи, он заподозрит, что я все сфабриковал ради своих целей.

Гу Шишу был заметно раздосадован упрямством этого существа.

— Даже не знаю, как Шэнь Няню удалось его приручить — представить это невозможно.

Прогресс, как и ожидалось, застопорился на этом этапе. Вторым объектом для Шэнь Няня был император демонов. Согласно принципу возрастающей сложности, он был менее значим, чем Гу Шишу, но куда более труден, чем Цзин Цяньшань.

Императора демонов звали Усу, он был лисом-оборотнем, чья история насчитывала тысячи лет.

Как хозяин мира демонов, Гу Шишу был знаком с ним, они не раз приходили к согласию по многим вопросам и даже сотрудничали. Однако их отношения держались на тонком, как бумага, льду: они постоянно опасались друг друга и держали оборону, и если их не связывал общий интерес, о дружбе не могло быть и речи.

А Фу Тинсюэ... У него с Усу была давняя вражда. Когда армия демонов вторглась в мир бессмертных, именно меч Цинчэнского владыки обратил их в бегство, и первым, кто принял удар на себя, был сам император демонов.

Интересно, зажили ли старые раны, нанесенные ему мечом Циншуан?

Насколько сильно Цзин Цяньшань доверял Фу Тинсюэ, настолько же сильно Усу его ненавидел. Поэтому, если бы они попытались что-то передать императору демонов, чтобы разоблачить Шэнь Няня, он бы не поверил ни единому их слову.

<http://bllate.org/book/18924/1851393>